

— Шурка! Господи Иисусе, вылитый дед Шурка!

Тётка Дарья с тяжелой сумкой споткнулась и чуть не упала на пороге, встретившись с восемнадцатилетним племянником Тимкой, которого не видела лет десять. Перед ней стоял богатырь с лохматой кудрявой головой и застенчивой глуповатой улыбкой на толстых детских губах.

Тётка Дарья приезжала в Загряжск к сестре Матрёне из своего хутора очень редко. Хуторок в десять дворов, но с громким именем Атаманский, еле теплился где-то в степи на границе с Калмыкией. Давно, в молодости, тётка Дарья вышла замуж за атаманского казака и тридцать лет прожила в степи безвылазно, навещая только сестру Матрёну в Загряжке. Порядочно одичала, сторонилась людных мест и вообще чужих людей.

Отдохнув от долгой дороги на автобусе и расслабившись от рюмки-другой сливовой наливки, тётка Дарья долго рассказывала о дорожных впечатлениях. Она намолчалась дома и теперь была рада выговориться.

— На иностранном автобусе доставили прямо под Воскресенский собор. Не езда, а прохлаждение. Как на перине. И качает, убаюкивает. Говорят, на таких автобусах в Европу ездят... Эх, жизнь короткая! Я бы тоже съездила, хоть в Румынию...

Муж Матрёны, Егор весело слушал свояченицу и подтрунивал, стараясь сбить с толку. Он возражал убедительно и серьезно.

— Ну зачем тебе Румыния? Там одна мамалыга и кислое вино. Лучше в Польшу, там паны живут. Все как один важные паны, простого народа нет.

— Правда? – недоверчиво спрашивала Дарья.

Вмешивалась Матрёна. Она вразумляла сестру, как маленькую.

— Не слухай его, малохольного. Он сам в Загряжке всю жизнь просидел. Один раз, правда, в Москву позвали. Брежнев ему орден на пинжак приколот, я извиняюсь. А про Румынию и Польшу он только по телевизору видел.

Егор сердито отмахивался от жены и подвигался поближе к Дарье.

— Скажите мне: могут господа, а по-ихнему паны, качать говно из туалетов?

— Нет, господа не могут, – в один голос ответили сёстры. – Для этого пускают к себе из бедных государств гастарбайтеров, пролетариат по-нашему. Прибираться по дому, ухаживать за старичками, за детками. Ну и говно, конечно, качать из туалетов.

Егор торжественно возвышал голос.

— Авторитетно вам заявляю: польские паны не гребуют никакой работой. Надо, допустим, козу подоить, пан надевает камзол и садится доить козу. Надо картошку выкопать – копает картошку. Скирдовать – скирдует! От гастарбайтеров отличается только высоким происхождением и внешним видом. Например, если он идёт на работу чистить туалет. Что он делает? Он чисто бреется, одеколонится, надевает белую рубашку, камзол с пуговицами – сразу видно, что это пан, а не чернорабочий. Польша разбогатела, потому что не пускает гастарбайтеров. А Франция наоборот, опустилась из-за избытка иностранной рабочей силы. Там господа не желают марать руки и ходят по Парижу в белых перчатках. А негры работают на них и живут в хижинах. И у нас к тому дело идёт. Никто работать не хочет...

— Никто! – громко поддержала зятя Дарья. – Вы давно ездили в наш хутор Атаманский? Или в Элисту? Через степи и пески? Не ездили. Не видели. Четыреста километров едешь автобусом, и никто кругом не работает. Вдоль дороги не заводы и фабрики строят, а забегаловки с вывесками «Камыши», «Шалашы», «Шашлыки», «Шаурма». И море разливанное: водка, вино, пиво. Пьют все: пенсионеры, студенты, учителя, господа-начальники и дети. Дети и милиционеры пьют. Штрафуют шофёров и пьют с детьми прямо возле дороги. Только грудные дети не пьют.

Такие или примерно похожие разговоры шли за столом допоздна. Ели горячий борщ, мясо, блины со сметаной. Играли в карты, в дурачка. Пили горилку из сливы, сладкую наливку из жерделы. Хмелели незаметно и хвалились друг другу. Дарья хвалилась своим хутором Атаманским, Егор с Матрёной рассказывали ей о Загряжске.

— У нас коровы калмыцкой породы с мраморной говядиной пасутся прямо за огородом в балке – восторженно рассказывала Дарья. — Дикие, ничьи. Захочешь – лови, ешь мраморную говядину целый год. Только опасная скотина: у нее рога, как вилы. В степи не убежишь от неё, не спрячешься. Пырнёт – и готов, не захочешь больше мраморной говядины. Да мы, слава Богу, не охотники, свою скотину держим. Дудаки у нас водятся, по-вашему, дрохвы. Прямо великаны, страусы. Бегают быстрее, чем летают. Большие начальники за ними охотятся на вездеходах. Почти всех дудаков постреляли и в Красную книгу записали. А зачем стрелять, спросите? Домашний индюк вкуснее дудака. И стоит на базаре дешевле, чем ваша курица. Я вам своих индюков привезла.

— Калмыки не притесняют вас? – интересовался Егор.

— О, нет! – уверяла Дарья. – Самая смиренная нация. Жизнерадостная. Едет, к примеру, калмык на лошадке по степи в хутор Атаманский. Дорога дальняя, он разговоривает сам с собой. Благодарит своего бога за хороший урожай. Благодарит жену за новорождённого сына. Хвалит начальника за прекрасный характер и отеческую заботу о своих подчиненных. Хвалит своего президента за счастливую жизнь. Всех хвалит. Хорошее настроение у калмыка. Удачный день. А оторвись пуговица на штанах – начнёт ругать всех. И Ламу, и начальников, и президента, и даже любимую жену. Потом, глядишь, поёт. Песня обо всём, что видит калмык по дороге. Про травы-цветы, ямшан, кермек, про небо и облака, про коршуна и стрепета, про здоровье и силу богатырскую, про девушку, которую любил в школе и не может забыть её глаза и улыбку до сих пор. Про всю свою жизнь поёт калмык в дальней дороге. А когда зайдёт к тебе во двор, спросишь его, как дела? Как жена, дети? Все ли родичи живы-здоровы? Калмык только улыбается и обходится двумя словами. «Хорошо живы!». «Хорошо здоровы!». «Жизнь хорошо». «Дела хорошо». И едет дальше проведать знакомых. Нет, калмыки не притесняют нас...

Когда очередь доходит до Егора, он говорит о Загряжске в превосходной степени, заносчиво, как о своей собственности, и не терпит возражений. Даже вопросов не терпит.

— Конечно, Загряжск тебе не хутор Атаманский. Тут и равнять нечего. Иностранных гостей у нас каждый день больше, чем коренных жителей во всех остальных хуторах. Едут и едут, прут и прут! Как мёдом тут им намазано! Но и польза от них, доложу вам, немалая. Скупают у наших коробейников всё подряд. Матрёшки, свистульки, горшки, ракушки расписанные. Корзинки, кошёлки,

сумочки. Фотографии и картины в рамках. Одна старушка просто пуговицы продаёт. У неё их целый сундук. Есть даже от кальсон, белые. Вроде как антиквар. Продаёт поштучно за доллары. Говорят, обогатилась сказочно. А один предприниматель старую кобылу купил, туристов верхом катает, как бы на коне будённовской породы. Отбою нет, в очередь стоят. Тоже миллионером стал...

Дарья слушала не без ревности и не упустила случая укусить зятя.

— А что же ты, разумный и грамотный, не догадался кобылу купить? Сейчас бы с Мотей миллионы считали.

Егора трудно было загнать в угол.

— Ты, Дашка, как дитё малое. Как можно орденосцу и бывшему колхозному бригадиру иностранных негров и барышень на лошадке за деньги катать? У меня свой бизнес. Три тонны мёда за сезон качаю. А пуговицы от кальсон пусть бабушки продают и богатеют.

Матрёна ревниво вступилась за мужа.

— Он, Даша, все лето по лесопосадкам с пчёлами живет. Там труд такой, что молодые не выдерживают. Многие люди побросали пасеки, невыгодно. А Ёра упорный, сорок лет с ульями возится. У него получается. Тимка вот школу кончил и права получил, отец ему новую машину купил. Тебя Тимка на своей машине и повезет обратно.

— О-о! – обрадовалась тётка Дашка и обняла племянника. – Я всегда говорила, что он в деда Шурку пойдет. И умный, и богатырь, вылитый Петро Первый! И тётку свою любит!

Тётка Дашка наговорила всем комплиментов, всех похвалила, поблагодарила хозяина за то, что всегда привечает её и не обижается на её вредный характер. Правда, наутро уже показывала сестре эту самую вредность, нашептывая на ухо свои опасения и предостерегая её от излишней доброты и доверчивости к своим мужикам, то есть к Егору и Тимке.

— Ты, Мотя, не джоже потакай старому. Хозяйство у вас большое, а он, давлет, запрёт тебя и погоняет. А сам в лесопосадках, как в санаториях отдыхает с пчёлами. Ты тут по дому, по хозяйству больше вкальваешь. Живности разной полный двор. Две коровы, два бычка. Огород полгектара. Куда столько!

— Без хозяйства нельзя, – нехотя оправдывалась сестра и отводила глаза. – Тимка помогает...

— Вот про Тимку хочу сказать! – перебила Дарья, спохватившись. – Вымахал парубок, весь в дедушку, папашку нашего, бабника, прости Господи. Красавец! За ним теперь глаз да глаз нужен, а твой Ёра ему машину купил для соблазна. Его, кобеля, женить надо, стреножить, пока волю не почувял...

Матрёна обиженно вставала со скамейки и молча шла полоть грядки.

Взаимопонимания не получалось. На следующий день Дарья притворно охала и, как бы извиняясь, вдруг вспоминала:

— Совсем памяти нету! В воскресенье ярмарка, поросят привезут. На моего Кузьмича надежда плохая, купит выбракованных. Сама поеду. Нагостилась.

Наутро, на рассвете, сёстры обнялись, всплакнули перед дальней дорогой. Тимка, улыбаясь, охотно и резво тронул ещё необкатанные «Жигули».

2

Дед Шурка, о котором говорилось выше, был отцом Матрёны и дедом Тимки. Родился и умер в Загряжске в возрасте 89 лет. Он был незаменимым человеком в городе. Народным умельцем, слесарем и столяром, и вообще мастером тонкой заточки. В его старинном казачьем курене девятнадцатого века с широким подворьем, длинными сараями, навесами и подвалом с выходом всегда толпились люди. Как на складе, или в ремонтной мастерской. Двор был завален разным бытовым хламом от детской коляски до резных буфетов, кованых запоров, решёток, медных самоваров и чайников. На стенах висели цепи, охотничьи капканы, подковы, пушечные ядра, каменные жернова и огромные судовые якоря.

Дед Шурка никогда не был женат и никогда нигде не работал, за что при Хрущёве его судили за тунеядство. Имел шесть или семь детей от разных женщин. Со всеми поддерживал родственные отношения, помогал и детям, и внукам. Весёлый и вольный был человек, от него шло тепло, к нему тянулись, его любили. До самой старости дед сохранил богатырское здоровье. В скульптурной мускулатуре силушка играла по жилушкам. Любо было смотреть, когда он работал молотом на на-

ковальне. Пот ручьями стекал по щекам, на спине валунами перекатывались связки мышц, в глазах горел огонь, пламя. Понятно, что он сводил женщин с ума. Один Бог знает, какие страсти кипели в доме застряжского холостяка. Дед Шурка никогда ни с кем не обсуждал свои любовные тайны. Он вообще как-то стеснялся говорить о женщинах. И пресекал, когда при нем кто-нибудь во хмелю начинал рассказывать грязные истории. Как ни странно, он был целомудрен, этот дед Шурка.

Он никогда не считал деньги, они шли к нему сами, много денег прошло через его руки. Деньги сами стучались в его окна.

Остановился возле дома джип, вышел человек, позвал хозяина, показал ружьё.

— Можешь новый приклад сделать?

— Попробую.

Через месяц хозяин джипа долго молча смотрел работу. Вместо треснувшего разбитого дерева светился янтарём новый ореховый приклад с инкрустацией. Швы соединения между деревом и металлом тоньше паутинки. Фактура дерева обозначилась под лаком как драгоценный рисунок, гравюра. Выпуклости и углубления вылизаны, отшлифованы до зеркальности. Дорогое ружьё фирмы «Зауэр» обрело более совершенную эстетическую форму. Хозяин, раскрыв рот, долго глядел на деда Шурку. Вынул из кармана пачку денег, сунул мастеру в руки и, не прощаясь, укатил восвояси...

Богатые заказы случались нередко, за работу платили большие деньги. Он ремонтировал, реставрировал и собирал различные раритеты. Книги, картины, часы, старинное оружие, бронзу, фарфор. Но деньги так же легко уходили из рук, как и приходили. Дед Шурка щедро одаривал детей, внуков, любовниц и друзей-собутыльников. Он любил жизнь, и жизнь любила его.

Перед смертью, когда уже силы совсем оставили старика, он пошевелил пальцами и еле слышно прошептал с легкой улыбкой:

— Там меня похвалят....

Тимка с годами все больше становился похож на деда. И не только внешне. В его обманчиво ленивых телячьих глазах изредка вспыхивало такое жадное любопытство, такая неутолённость и соблазн, что он с трудом справлялся с внутренним волнением и уединялся. Чтобы прийти в себя. Он злился, стыдился и в то же время тайно желал соблазна, порока. Он мужал, зрел не по дням, а по часам и с радостью и нервной дрожью ощущал великий перелом в своей жизни.

3

Эти две семьи были больше, чем соседями.

— Доброго здоровьица, Афанасий Афанасьевич! – хриплым грубоватым баском окликал каждое утро соседа Егор Егорович.

— А-а! – весело отзывался через забор Афанасий Афанасьевич, манипулируя гантелями. – Мое почтение, Егор Егорович! С добрым утром!

Егор Егорович и Матрёна Хворостовы крестили у Афанасия Афанасьевича и Варвары Хромовых дочку Настю. А Хромовы в ответ стали крёстными родителями сына Хворостовых Тимофея.

Егору Егоровичу было за шестьдесят лет, сорок из них он работал бригадиром сначала в колхозе, а потом в акционерном предприятии. И всю жизнь держал пасеку. А Матрёна, считай, одна, вела большое домашнее хозяйство, то есть горбилась за троих.

Афанасий Афанасьевич был инженером в строительной компании, жена Варвара работала медсестрой в городской больнице. Они принципиально не связывают себя подсобным хозяйством. «И правильно делают!» – вздыхает Матрёна с завистью.

Кумовья и соседи дружили, и в Загряжке трудно назвать других соседей, которые дружили бы так, как Хромовы и Хворостовы. Кто может сказать, как появляется привязанность и дружба между соседями? Никто не скажет, потому как материя эта необъятна. Премудрый Гоголь живописно описал, как поссорились соседи. А как подружились – не написал. Трудная это задача, и я не отважусь даже на малые потуги. Я только намекну на первопричину, на взаимное движение навстречу друг к другу. Ибо иногда довольно одного намёка.

Началось всё много лет назад, никто точно не помнит, когда. Афанасий Афанасьевич, как всегда, рано утром поздоровался с Егором Егоровичем и деликатно спросил:

— Не найдется ли у тебя, любезный сосед, немножко горилки?

Хворостов жестом показал подождать, нырнул в сарай и через минуту протянул через забор за-вернутую в газету бутылку.

— На меду, первак.

— Да мне не для этого. У жены поясница... Для растирки.

— И для растирки, и на компресс. И внутрь принять не грех.

Егор Егорович позвал соседа к себе во двор, в беседку. Принёс еще бутылку и тарелку с вяленным чебаком. Налил в рюмки.

— Ну!

Чокнулись, выпили. Закусили маслянистой янтарной рыбой. Афанасий Афанасьевич похвалил горилку. Егор Егорович налил ещё по одной.

— Будем!

Не спеша, за разговорами опорожнили бутылку. Егор Егорович высказал давно назревшую мысль.

— Вот ты хвалишь горилку, а я недоволен! Механизм устарел. Дед мой на нём лет пятьдесят коптил. Ржавые трубки, грубые шланги. Примитивная очистка. И всё громоздко, вся кухня за-ставлена. Вонь стоит, как на консервной фабрике. Нужны революционные меры. Я на курортах познакомился с бывшим директором ликероводочного завода. Он на пенсии и большой знаток по части горилки, профессор. У него аппарат – маленький заводик. Весь механизм спрятан и заварен в цилиндры из нержавеющей стали. С трубками, датчиками, кнопками и приборами. В сумку помещается. И приставка электронная. Даёшь установку: 80 градусов. Аппарат капает ровно литр и автома-тически отключается. Даёшь установку: 50 градусов. Аппарат выдаёт два литра и отключается. Устанавливаешь на 40 градусов – выдаёт остальные три литра и отключается. Можно, конечно, поставить и на 30, и на 20 градусов, — пойдёт вонь, сивуха, она и на продажу не годится. Вот о такой умной сортировке по ночам мечтаю. Ты, Афанасьевич, учёный человек, инженер, и у вас на производстве возможности большие, и специалисты хорошие. Узнай, закажи, любые деньги не пожалею!

Афанасий Афанасьевич подумал и сказал:

— Угу!

Через две недели он принёс в сумке заводик из нержавеющей стали. И на глазах изумлённого Егора Его-ровича невозмутимо извлёк и поставил на стол в беседке сияющий стратегическим металлом само-гонный аппарат XXI века! С термометром, манометром и электронной приставкой!

Егор Егорович заплакал, ей-богу, заплакал от счастья и долго не мог успокоиться.

— Сегодня же, сегодня! Заведу бражку из обрезков старых сот с мёдом!

Недели через две соседи закрылись в летней кухне, наглухо зашторили окна и приступили к опе-рации. Подготовка аппарата к работе заняла считанные минуты. Подключили охладитель к водопро-воду, вывели слив в мойку. Включили огонь под флягой с пенной медовой бражкой. Егор Егорович торжественно включил на электронной приставке режим 80 градусов.

— Это на лекарства. На растирку, на компрессы. Для жён.

И чтобы не томиться, сели за стол играть в дурачка.

— Я читал, что по статистике спрос на алкоголь упал, – глубокомысленно изрёк Афанасий Афа-насьевич, тасуя колоду карт. – Власти делают вывод, что Россия стала пить меньше. А ты как дума-ешь?

Егор Егорович даже засмеялся от удовольствия, ему очень понравился вопрос.

— Это с какого боку поглядеть... Статистика посчитала бутылки в магазинах, и то не все. А нас с тобой не посчитала. Мы спрятались в кухне от статистики. Они что там, слепые? Люди еще при советской власти перешли на горилку. Из экономии. Бутылка водки стоит двести рублей. А бутылка горилки по себестоимости – двадцать пять рублей. Какое блюдо я буду кушать, спрашивается? Го-рилку, конечно! И дешевле, и полезнее.

Через час соседи продегустировали первак. Шумно выдохнули:

— О-о-о!

Горилка впиталась, всосалась в кровь прямо во рту. Мягкость, даже нежность крепкого напитка вызвала восторг всего организма.

— Мармелад! – воскликнули мастера. – Мармелад!

Результат превзошел все ожидания. Сортировка и калькуляция продукта выполнены новым аппаратом с аптечной точностью. Друзья разливали напиток по бутылкам и подписывали фломастером рабочие названия. «80 градусов. Растирка. Компрессь», «70 градусов. Для настоек на травах и ягодах», «50 градусов. Особая, лечебно-оздоровительная. От простуды», «40 градусов. Питьевая, повседневная».

— Кстати, забыл тебе сказать, – неожиданно вспомнил Афанасий Афанасьевич, – Варвара моя после растирки забыла про поясницу. Теперь главврачу радикулит растирает. И название для лекарства придумала: «Хворостовская».

— Заживём! – не без похвалы поддакнул Егор Егорович. – Всех полечим! И сами оздоровимся. Теперь мы ого-го!

Заводик из нержавеющей стали, который принёс с работы Афанасий Афанасьевич, имел в дальнейшем большое влияние на судьбы наших героев.

4

Тимка был большой и сильный. Настя же выглядела совсем малышкой, чуть больше своей куклы Ньюши. Ребята всё время были вместе, но частенько поругивались и спорили. Настя всё время учила Тимку.

— Ты большой, а ума нету. Зачем котёнка за хвост таскаешь? Всех животных за шкуру носят.

— А я за хвост!

— Ну и дурак! Дурак!

Начиналась перебранка и заканчивалась обычно подзатыльником Насте. Она же храбро хватала песок горстями и кидала обидчику прямо в морду. Разбегались по своим дворам и тайком наблюдали друг за другом. Первой шла на попятную Настя.

— Тим, а Тим? – просительно окликала она через забор.

— Чего тебе?

— Пойдём на речку купаться!

И неразлучные соседи, взявшись за руки, бежали на речку. На берегу было полно ребятшек разных возрастов. Барахтались, ныряли на мелководье в «лягушатнике», брызгались и визжали. Тимка показывал Насте, как он умеет плавать. Ложился на живот, задирает голову, выпучивал глаза и изо всех сил колотил по воде руками и ногами. Проплывал таким образом метра полтора-два и начинал тонуть, захлёбываться. Нащупывал дно ногами, громко откашливался.

— Видала!? – хвастал Тимка. – Спорим, завтра вон до того куста доплыву?

— А меня научишь?

— Ты ещё мала.

На речке Настя шёпотом жаловалась Тимке:

— Вон тот ушастый, рыжий, видишь?

— Ну?

— Он дразнится и кулак показывает. Можешь дать ему в рожу?

Тимка смело подходил к обидчику, что-то говорил ему и показывал на Настю. Рыжий кивал головой и поднимал руки. Тимка всегда заступался за Настю, и она от гордости задирала нос перед ровесниками.

Одно из самых сильных впечатлений детства – весна. Пролески возле жёлтых сугробов, полая вода, колонии грачей на старых вербах. Горячее солнце и белый пар над маслянистой пашней. У Насти на носу цвели конопушки. Она в длинной маминой кофте, в валенках на босу ногу бежит по двору и, выпучив глаза, вопит что есть мочи:

— Шкворцы прилетели! Шкворцы прилетели!

У Насти выпали два передних зуба, она отчаянно шепелявит и присвистывает.

— Шкворцы прилетели!

Тимка выглядывает из-за сарая, передразнивает:

— Не шкворцы, а грачи!

Настя прыгает на одной ноге и показывает на скворечник:

— Шкворцы, шкворцы!

Матрёна напекла из сладкого теста печенье в виде птичек, жаворонков. Зовёт ребят за стол, угощает.

— Сегодня праздник Сорок Сороков, люди добрые весну встречают! Радуйтесь!

Настя почти всегда следовала за Тимкой и почти всегда подчинялась ему. Но иногда взбрыкивала и показывала характер. Однажды к Тимке пришли в гости два друга, с которыми он ловил бреднем рыбу в канале. Ребята были постарше и уже курили. Тимка принёс в чашке обрезки пчелиных сот с мёдом. Компания выбрала укромное от лишних глаз местечко за огородами, расселась вокруг чашки. Ребята пальцами вылавливали вощину, смачно жевали, чавкая и облизываясь. Настя увязалась за ребятами, и тоже жевала, чавкала и облизывалась. Потом гости решили покурить, достали из кепок сигареты, спички. Тимка тоже прикурил сигарету и красиво пустил дым струйкой. Настя замороженно смотрела на курильщиков и тоже потянулась за сигаретой. Хлопец в пляжной кепке протянул ей пачку, но Тимка больно шлёпнул Настю по руке.

— Ещё чего! Отсядь от нас подальше и жуй мёд!

Настя обиделась, но подчинилась, молча отодвинулась к цветущему кусту бузины...

Другой дружок Тимки, розовощёкий толстячок, курильщик со стажем, сделал важное лицо и объявил:

— Даю бесплатный урок для начинающих!

Он глубоко затынулся, задержал дыхание и, задрав голову, громко и отчетливо продекламировал:

Ехал паровоз об двенадцати колес,
И дым пускал....

Округлил губы трубочкой, старательно попыхивал, выталкивая изо рта круглые колечки дыма. Сизые кольца одно за другим медленно поднимались над головой и таяли в воздухе. Ребята завопили от восторга:

— О-о-о!!

— О-о! А-а-а! – завопила от боли Настя. – О-о! А-а-а!!

Она махала руками, прыгала на месте и кричала, не переставая. Над цветущим кустом бузины гудели пчёлы. Почуввав мёд, пчёлы окружили Настю и ужалили ее в ухо. Перепуганная девочка верещала и плакала навзрыд, пока на крик не прибежала Матрёна. Она увела Настю домой, сделала примочку, успокоила. Когда же пришёл Тимка, подруга ела вареники с молоком и осторожно трогала покрасневшее ухо. Тимка расхохотался.

— Ухо, как вареник!

Настя опять расплакалась, и от обиды, от злости стала кричать и топтать ногами:

— А ты курил сигареты с друзьями! Курил! Курил! И мёд из дома друзьям своим носил! Носил!

Матрёна взяла рушник и шлёпнула Тимку по шее.

— Анчутка! Ну, погоди! Отец ремня всыпет!

Настя рассмеялась:

— Всыпет!

Ломался мартовский лёд на речке Серебрянке. Зацвели в палисаднике персидская сирень и кипенно-белая черёмуха. Звонили на Пасху тяжёлые старинные колокола на высокой острроверхой звоннице Воскресенского собора. Многоголосо шумел и пестрел яростью красок загрязский рынок. Зычный и хриплый голос местного Будулая нахальным эхом летел на другой берег Дона:

— Цепи! Калёные цепи!

Счастливые свадебные пары фотографировались на крыльцах собора. Древние деды в праздничных казачьих картузах сидели в холодке на траве и смачно хлебали пиво прямо из бутылок. Дон серебрился за густыми метёлками камыша. Невесомо, как дыхание нёс он тяжёлую толщу воды из-под новомосковских торфяников и бочажин, от тульских ручьёв и речушек, от великих воронежских чернозёмов. И время текло, как вода в Дону. Таяло, как белые облака на голубой эмали летнего неба. Зрели, наливались силой новые урожаи. Новые молодые поколения, едва став на ноги, спешили, торопились в большую жизнь, как мотыльки на огонь...

Настя и Тимка выросли из подростков, от их недавней детской схожести следа не осталось. Они стали выразительно разными своей взрослостью. Она щекастая, с толстой косой и влажными большими глазами косули. Он – застенчивый богатырь, буйно кудрявый, с детскими губами. Настя остроумна и общительна, Тимофей скован и несмел.

Недавно он ощутил, что Настя отходит, отдаляется от него. Дружба и привязанность ушли вместе с детством. А сегодняшние, они ещё не привыкли друг к другу. Тимка робел от её непредсказуемости. Иногда она обжигала его таким чужим враждебным взглядом, что он долгое время избегал встретиться с ней наедине. Не знал, о чём с ней говорить, и как говорить. Да и не мог. Ни серьёзно, ни шутя. Ребята постарше общались с ней запросто и позволяли себе, вернее, она сама позволяла говорить сальные шуточки. А то и рассказывать скабрёзные анекдоты. Она громко и откровенно хохотала. А Тимка сгорал от стыда, от ревности.

Настя стала модно одеваться, покупала дорогую косметику. Ходила делать причёску и маникюр в единственный в городе салон красоты. У нее появились друзья, которых Тимка не знал. Они заезжали за Настей на иномарке и увозили её на пляж или в лес на целый день. А вечером дискотека...

Варвара пыталась поговорить с дочерью о дальнейшей учёбе, о специальности, но та отмахивалась:

— Успеется.

— Ты бы с Тимкой хоть раз в кино сходила.... Ведь он сохнет по тебе!

Настя чувствовала себя виноватой.

— Давай больше не будем о Тимке...

Отчуждение кончилось тем, что Настя уехала устраивать свою судьбу в Москву. Даже не попрощавшись с другом детства.

5

Егор Егорович так увлёкся усовершенствованием горилки, что заполнил продуктом почти всю стеклянную посуду. Матрёна не на шутку встревожилась.

— Ай, на свадьбу готовишь? Пустых банок и бутылок в доме не осталось. Нашёл себе игрушку...

Егор Егорович огрызался и упорно продолжал своё дело. Неожиданно появился стимул. Заехал на днях старый знакомый, дальний родственник Михаил Мартынович Спотыкач, начальник загрязской полиции.

— Егорович, выручай! Еду в Москву, у начальства сейчас мода на горилку. А твой напиток будет почище таманской чачи. Давай всё, что у тебя есть.

— У меня, Миша, много... – растерянно признался хозяин.

— Говорю, всю давай!

После полковника Спотыкача было ещё несколько уважаемых людей. Главврач, прокурор, военком, начальник собеса, даже директор кулинарного колледжа. И все просили хорошей горилки на меду. У Егора Егоровича перехватило дух от внезапного прозрения: он сел на золотую жилу.

Но вместе с тем, появлялись и свербели мысли о законности бизнеса, но он гнал эти мысли. Разве прокурор или начальник полиции могут подложить свинью? Они берут горилку исключительно в лечебных целях. И прокурор, и начальник милиции, и военком, и директор кулинарного колледжа растирают своих жен и знакомых. Что же тут противозаконного?

Егор Егорович проникнулся к себе самоуважением, которого не чувствовал, когда Брежнев прикалывал ему орден на пиджак. Ему казалось, что загрязцы даже здороваться с ним стали как-то теплее и проникновеннее. Конечно, есть и завистники. Но кто попрёт против прокурора и начальника полиции?

Полковник Спотыкач заехал без предупреждения, зашёл в кухню, где Егор Егорович собирался ставить на огонь очередную флягу с пенной бражкой.

— Здорово, хозяин!

Егор Егорович засуетился, извиняясь, что не успел подготовить заказ, но полковник остановил жестом:

— Сядь и послушай. Меня переводят в Москву. На прощанье хочу сделать тебе подарок. Хватит копить самопал, пора выходить из подполья. На торги выставлен бывший винно-водочный завод, цена символическая. Я договорился, вот тебе визитка, найдёшь этого человека. Езжай прямо сейчас, тебя ждут.

Говорят, что чудес не бывает. Бывает! На глазах у всех и, к великому удивлению соседа, Егор Егорович Хворостов стал капиталистом и владельцем винно-водочного завода.

Взял кредит, закупил новое немецкое оборудование, укомплектовал все службы и уже стал готовиться к торжественному открытию. Сын Тимофей только что вернулся из Баварии, где проходил стажировку на фирме известной марки. И, несмотря на его упорное нежелание и сопротивление, назначил молодого специалиста директором завода.

— Учись, пока я живой!

В первые же дни молодому директору случилась неожиданная и непредвиденная прибыль.

Тимофей Егорович на своих «Жигулях» возвращался из командировки. На автобусной остановке женщина с грудным ребенком подняла руку.

— До Загряжска! – попросилась она. — Опоздали на автобус.

Девушка была очень молода и, кажется, стеснялась своего материнства, смущённо помалкивала. Ребенок спал. И ещё показалось Тимофею, что молодая мама похожа на Настю. Он вздохнул и невольно подумал о своей подруге. Настя вышла замуж чуть ли не за космонавта и жила с мужем где-то в Подмоскowie. Варвара по-соседски сообщала Хворостовым все новости. У Тимофея засосало под ложечкой. Он не мог забыть свою «невесту».

В городке Забалуеве девушка попросила на минутку остановиться возле автовокзала, купить ребенку воды. Малыш посапывал в пелёнках поперёк сиденья. Тимофей думал о Насте. Прошло полчаса. Его обожгло нехорошее предчувствие. Тимофей растерянно обошёл вокруг маленькой автостанции. Несколько человек подрёмывали на скамейках. Глупо спросил про красивую молодую девушку. Сонные пассажиры даже ответом не удостоили. Он разыскал дежурного полицейского, объяснил ситуацию. Сержант почесал затылок, улыбнулся сочувственно.

— Скорее всего, подкидыш. Но я ничего оформлять не буду. Ехала до Загряжска, значит, там ищи, обращайся в Загряжский отдел...

Матрёна упала в обморок. Егор Егорович, стоя на коленках, молча растирал виски жене, играл желваками. Ребёнок заполошно орал, сучил ногами. Тимофей ошалело шагал по комнате и не знал, что с ним делать, немилосердно тряс, качал в длинных неумелых руках. Нешуточные страсти кипели в доме Хворостовых до утра, пока все не обессилели, и малыш тоже. Тяжёлая дрёма повисла в комнате.

Тимка в десятый раз рассказывал историю с подкидышем. Родители осторожно, как больного, спрашивали:

— Сынок, может, ты встречал раньше где-нибудь эту женщину? На праздниках, на гулянках...

— Может, ты вина выпил, не помнишь?

— Говори правду, сынок... Чего уж теперь!

Невозмутимого Тимку трясло от злости, от ярости.

— Говорю вам – не знаю! Ничего не знаю! Не зна-а-ю!

В отделе полиции было ещё обиднее. Лейтенанты молодые, похихикали, поёрничали.

— Замуж не взял, вот и подарок. А заявление оставь, зарегистрируем.

— Обойдетесь! – осерчал Тимофей. – Без вас как-нибудь разберусь!

Соседи советовали отдать младенца в детский дом. Но тут возмутилась Матрёна. Она даже обиделась на Варвару.

— Ещё чего! Чьё бы ни было дитё, не оставим сиротой! Он теперь наш!

Малыша вскоре зарегистрировали в загсе как Ивана Тимофеевича Хворостова.

У Хромовых праздник, Настя приехала в отпуск.

На ужин позвали соседей.

Варвара волновалась, сутилась, накрывая праздничный стол в беседке. А мимоходом нещадно покусывала, покрикивала на Афанасия Афанасьевича, который лениво ходил по двору в затрапезных портках, почёсывая поясницу.

— Проснись, чучело! Дочка увидит, упадет! Побрейся, переоденься, галстук надень!

Афанасий Афанасьевич и не подумал бриться и переодеваться. Он налил себе чаю в большую кружку, сделал горбатый бутерброд с маслом и колбасой и в ответ поддразнивал жену. Варвара сердилась уже не на шутку.

— А если бы зять приехал?! Глянул бы на твои портки, на морду небритую? Что бы он сказал про своего тестя?

Афанасий Афанасьевич невозмутимо отхлебывал чай.

— Вот явится зять, тогда и надену галстук...

С зятем была заковыка. Из рассказов дочери зять представлялся фигурой неосязаемой. Вроде бы он есть, Антон Баранов, но увидеть, потрогать его нельзя. Он засекреченный.

— Он же ракеты делает! – с жаром объясняла Настя родителям. – Его охраняют круглосуточно.

Привезу его в Загряжск, только не скоро...

— Не скоро доведётся поздороваться, – ехидно вздыхал Афанасий Афанасьевич. – А может, его и нет, никакого зятя, прости Господи?

— Мама, что он несёт! Антона президент знает! Его все знают!

Начиналась истерика. Дочь с матерью грозили кулаками бедному Афанасию Афанасьевичу. Он же быстренько ретировался в потайную калитку на территорию своего кума и возмущённо заявлял удивленному Егору Егоровичу:

— Все знают! Президент знает! Кроме отца родного!

Вечером добрые соседи и кумовья сидели, как в прежние времена, за праздничным столом и наслаждались общением.

Афанасий Афанасьевич с Варварой немножко поглупели от счастья и своим взаимоуважением показывали, как они рады приезду дочери. У Хворостовых внимание всех гостей привлекал внук Иванчик, который смиренно сидел на коленях у бабушки Матрёны и грыз резиновое кольцо.

Егор Егорович щедро наливал в рюмки «Хворостовскую». Но не известную горилку, а новую марку водки, недавно выпущенную на винзаводе. Выпили за приезд Насти. Выпили за внука Иванчика. Выпили за винзавод и его владельца. Выпили за счастливого молодого отца Тимофея. Выпили за всех родичей, за родину, за Загряжск.

Выпили, в общем, не так чтобы много. Достаточно выпили. И всем захотелось откровенного разговора. Одни соседи застенчиво смотрели на Настю. Другие соседи застенчиво смотрели на Тимофея. Неловкое молчание разрешила Настя.

— Вы, наверное, хотите услышать, как я устроилась в Москве? – спросила она нетвердо и засмеялась. – Я расскажу про свою новую жизнь!

Все, даже Иванчик, захлопали в ладоши. И вот каков был её рассказ.

— Я Москвы боялась как огня. Думала, что там одни умы и таланты. Кто я среди них? В институте, куда я поступала, москвичи, конечно, выделялись. И одеждой, и манерами. Яркие косынки на шее, потертые куртки и джинсы. Потрёпанные сумочки. Никакой помады и косметики. И никаких причёсок. Ребята и девчонки на один манер. Провинциалы в белых рубашках и кофточках. Ребята с галстуками. Отутюженные, причёсанные. Москвичи смотрели на нас иронически.

Начались экзамены. Я, как и многие провинциалы стала сдавать на отлично. Москвичи чаще сыпались на экзаменах и громко выражали недовольство.

— Колхозный призыв! Набор передовиков!

Но в процессе учебы я лучше узнала и поняла москвичей. Первое впечатление было обманчивым...

Настя замолчала и задумалась, как перед невидимым препятствием. Покачала головой, как бы оправдываясь.

— Наверное, выпила лишнего... Зачем я говорю о москвичах? Ведь вы хотите услышать, как я вышла замуж? Вы не поверите... Мы с подругами были на свадьбе нашей сокурсницы в городе Королёве. Среди совершенно незнакомой компании. Был оркестр, пели песни, танцевали. Нас с девочками приглашали нарасхват, нам нравилась вечеринка, ощущение молодости и праздника. Вечеринка затянулась до утра. Когда ко мне подошёл высокий молодой человек с тяжёлым пристальным взглядом и решительно протянул руку, я вздрогнула от предчувствия, что он будет моим мужем. Больше того, он сегодня же попросит выйти замуж! Я боялась его тяжёлого взгляда. Танцевала сама не своя, не поднимая головы. И точно, отвёл в сторону, сказал ровно, как в микрофон:

— Я наблюдал за тобой сегодня и, кажется, не ошибусь.... Мне тридцать один год, и у меня нет времени. Если не сегодня, то, видно, никогда. Я тебя приглашаю прямо сейчас к себе домой в качестве жены и хозяйки.

Я успела заметить, что он все-таки волновался. До хруста сжал свои пальцы. Я долго молчала, да и не в силах была что-нибудь сказать. Не мои, чужие губы сами выговорили: согласна. Я вышла замуж под гипнозом, это точно.

Мой муж Антон Баранов оказался учёным в области космонавтики. Работает в секретной лаборатории в городе Королёве. У нас свой дом и большой участок с елями и грибами. Не верите? У нас всё-всё есть. Мы ни в чём не нуждаемся. Мы с мужем весело проводим время. Вернее, времени у нас совсем нет... Мы очень редко бываем вместе, потому что совсем нет времени... Я работаю завучем в школе. Могла бы, наверное, сказать, что счастлива. Вернее, счастлива... Ну, конечно, счастлива!

Настя вымученно засмеялась и расплакалась. Варвара увела её в дом.

Прошло несколько дней, прежде чем Настя выбрала время встретиться с Тимофеем. Она созвонилась с ним, глянула на себя в зеркало и через минуту застала соседа во дворе за сборкой детского манежа. Он был рад и выразил свои чувства шумно, как в детстве:

— Шкворцы прилетели! Шкворцы прилетели!

Это было так весело и откровенно, что Настя рассмеялась и подхватила:

— Ехал паровоз об двенадцати колёс!

Тимка вдруг понял, что больше не чувствует неловкости перед Настей, взрослость исчезла.

— Пойдем на речку?

— Поедем на Лебяжью косу.

Молодые люди сели в машину и поехали к знакомому берегу. Это было недоступное для туристов место, поэтому сохранило чистоту и первозданность. Плоский берег с промытым белым песком образовал здесь затон, длинная коса, огибающая заводь, далеко уходила в воду. Это и была знакомая с детства Лебяжья коса.

Настя прошептала:

— Боже, какая красота...

Только сейчас она ощутила и поняла, как соскучилась по дому, по Загряжску.

— Ты счастливый, Тимка. Ты дома...

Тимка притворно удивлялся, пожимал плечами:

— Кто тебе мешает? Бери своего космонавта, и живите тут на здоровье.

— Легко сказать... А что тут делать?

— Рыбу ловить, карасей жарить и есть. Что делать? Как все люди, работа везде найдется. Космонавт мастерскую откроет по ремонту авто, ты училка.

— Ладно, Тимка, хватит про космонавта. Ты про себя расскажи, мне интересно...

— Почему я отец-одиночка?

— Ну, и про это тоже.

— Ты все равно не поверишь. Никто не верит, даже родители.

— Тебе поверю...

Тимка остановился и пристально посмотрел на подругу. В его взгляде уже не было иронии.

— Я уже ни перед кем не оправдываюсь, Иванчик — мой сын.

— А мать, у него ведь есть мать?

— И ты туда же! Родители голову проели. Конечно, должна быть мать, но её нет, я её не знаю!

— Интересно...

— Иванчик подкидывш. Мать оставила его в моей машине и пропала.

Настя растерянно остановилась. Смятение выражало её лицо. И удивление.

— Ну вот, и ты не веришь!

— Верю! Тебе верю!

Настя отвернулась, плечи её мелко затряслись, она плакала.

— Извини, у меня после Москвы нервы....

Тимка не стал её успокаивать. Зашёл в воду, нырнул и поплыл, мощно загребая сильными руками. Он, кажется, понимал состояние Насти, но не решился сказать об этом. Настя тем временем тоже зашла в воду и плавала на мелководье. Потом они ходили по косе, по мокрому песку, оставляя скульптурно отчётливые следы. И оба понимали, что им не о чем говорить вдвоём.

7

Антон Баранов привёл молодую жену Настю в однокомнатную квартиру. Быт мало отличался от студенческого. Стол с рваной клеёнкой, несколько стульев, кровать и диван. На окнах газеты, пришпиленные кнопками. Но разве этого мало для счастливых молодожёнов? Я знал одного известного поэта. Вспоминая молодые годы, он с грустью говорил, поглаживая желтую лысину:

— Свои лучшие стихи я написал в туалете. Это было единственное место в однокомнатной квартире, где можно уединиться. В комнатке маленький ребенок, жена не спит. А я творю, пишу запоем. Потом была хорошая квартира, просторный кабинет с окнами до пола. Даже личный секретарь был. Только не было уже никогда той лёгкости строки, очарования жизни.... Запомните, молодой человек, молодость всегда права, старость всегда виновата.

Конечно, Настя навела порядок. Вымыла полы, окна. Постелила скатерть на стол, повесила занавески и шторы на окна. Появились вазочки, салфетки. Плюшевый пёсик на кровати.

Можно, конечно, улучшить холостяцкий быт, навести глянец. Но трудно исправить самих холостяков. В квартире Барановых каждый день собиралась компания коллег, сотрудников лаборатории. Молодые гении горячо обсуждали свои дела, спорили. Часто пили вино, много и жадно ели, курили. После гостей оставался пустой холодильник. Иногда утром к чаю не было даже сухарика.

К гостям так привыкли, что Настя переживала, если посиделки откладывались. Она запасала продукты, готовила, сама подавала на стол. Настя была богата, она работала в школе завучем и получала зарплату в два раза больше, чем сотрудник секретной лаборатории. Друзья Антона частенько занимали у неё деньги. Извинялись, пряча глаза. Настя смущалась и уговаривала:

— Миленькие, вам нужно, я знаю...

— Миленький, возьми, не обижай...

Её стали называть Миленькая и полюбили её. Антон сначала ревновал и возмущался.

— Ты им Миленькая, потому что кормишь-поишь всю шайку! Перестанешь кормить – они тебя крысой величать будут. Подхалимы! Придётся закрыть лавочку....

— Что ты, Антоша! – Настя не на шутку пугалась и умоляла мужа:

— Они как дети!

— Но едят, как взрослые!

Впрочем, Антон тут же снисходительно улыбался и крепко обнимал жену.

— Им некуда больше пойти.

В лаборатории остались одни оптимисты. Пессимисты давно удачно пережились. Жили в хороших домах и коттеджах, ездили на иномарках. О своих бывших сотрудниках по лаборатории отзывались с иронией:

— Гении!

Настя поневоле участвовала в ночных бдениях гениев. Она молча слушала разговоры и начала понимать суть их вождельных мечтаний...

Молодые люди были настроены весьма решительно. Они камня на камне не оставляли от существующих порядков в своем институте и в отрасли в целом. Инструкции и нормативы не обновлялись больше пятидесяти лет. Приборы и оборудование устарели еще в прошлом веке. Подхалимство и чиновничество поощрялось начальством, как в армии. Процветало казнокрадство, немало знакомых чиновников прямо на глазах сказочно разбогатели. А в ведущей лаборатории зарплата меньше, чем у Насти в школе! Бунтари поднимались выше,

и уже крушили правительство и законы. Сотрясение воздуха, громы и молнии, однако, не выходили дальше квартиры. Судя по настроениям, молодые люди сожалели, что в своё время не рискнули вместе с однокурсниками искать удачи где-нибудь в Силиконовой долине. Однако же никто из коллектива Баранова не уволился и не уехал в Америку. И завлаб, и его товарищи упорно работали на вырост, на завтрашний день, просто про запас.

Главный проект был готов давно, наконец, дождался очереди. Его опробовали на Байконуре. Ракета взорвалась в воздухе на глазах, были жертвы, несколько погибших. И хотя взрыв произошёл не по вине конструкторов, лабораторию прикрыли. Завлаб Баранов и его товарищи на полгода ушли в отпуск. Болтались без дела, пили горькую и вели бесплодные споры. Когда после аварии страсти поутихли, ребята вернулись в лабораторию. Но с категорическим приказом директора института навсегда забыть о проекте.

Директор института академик Горностаев, известный конструктор и один из организаторов космической отрасли, был главным тормозом и крушителем проекта Баранова и его товарищей. Он всю свою жизнь фанатично следовал разработкам своего учителя Королёва и уже давно использовал этот ресурс. Ничего нового он не мог предложить, но всячески препятствовал проектам молодых конструкторов. Это породило многолетний кризис в отрасли.

Последний аварийный запуск тщательно расследовали. Выводы комиссии были не в пользу Горностаева. Герой России, лауреат многих государственных премий, кавалер десятка орденов и прочая и прочая, со дня на день со страхом ждал решения Кремля. Не вытерпел и пошел по кабинетам наносить упреждающие визиты. Разумеется, его не пускали дальше приемных. Он позвонил президенту. «Президент не может вас принять», – ответили в трубке. Старый академик не мог придумать ничего лучше, как внезапно умереть где-то в кабинетах правительства. И таким образом, опередить решение Кремля.

Хоронили старика по высшему государственному рангу на Новодевичьем. Заставил себя уважать напоследок.

Новый директор очень буднично зашел в кабинет, мельком глянул на тесно стоящие ряды коллектива и как-то угрожающе спокойно улыбнулся:

— Обещаю, скучать не будете.

Директор был из поколения «гениев», из разночинцев.

Баранов с сотоварищи быстро пошли в гору. Лабораторию укрупнили, установили новое дорогостоящее оборудование и дали первой срочности заказ. Это была старая идея на новый лад. Лаборатория должна в короткие сроки разработать проект космического лифта. Суперпроект.

Сотрудникам втрое повысили зарплату. Семейным дали отдельные дома и коттеджи. За Барановым закрепили машину с шофёром. Привилегии потеснили мужскую дружбу и ночные посиделки. Да и времени уже не хватало. Новый директор не поощрял старые традиции. Служба безопасности давала ему подробную информацию о жизни сотрудников. Он любил повторять на планёрках с угрожающей иронией:

— Вы не на работе, вы на службе.

Старики Хворостовы ушли один за другим. Егор Егорович успел распорядиться по наследству, наказал Тимофею продолжать дело и непременно привести в дом хозяйку, жену. Умер тихо, как уставший от долгой жизни человек. Матрёна умерла через полгода после мужа.

Тимофей не выполнил наказ отца. Продал завод и почувствовал большое облегчение. Алкогольный рынок действовал на него удручающе. Он плохо ориентировался в хитросплетениях торговли и мог потерять всё. По совету доверенных людей Тимофей зарегистрировал новый бизнес, учредил реставрационно-строительную организацию, нанял управляющего и занялся своими делами.

Он давно мечтал построить особняк, усадьбу с прудом, с липовыми аллеями, с ветряной мельницей и непременно с конюшней. Долго выбирал место. В окрестностях Загряжска, недалеко от хутора Гривенного, в самом устье речки Серебрянки он увидел знакомое место, куда его не раз привозил отец.

На большом ровном плато проглядывали остатки фундаментов, заросших дерезой, конским щавелем и шалфеем. Подворья и огороды отделялись едва заметной обваловкой. Кое-где сохранились

одичавшие яблони и груши. Это были мощные искривленные стволы столетних деревьев, немые свидетели пепелища. Пёстрые дятлы быстро бегали по стволам, ныряя в зияющие дупла. Ветер шумел в густых кронах. Вспомнил Тимофей, как отец всегда снимал кепку и крестился на этом месте. Хутор Хворостов в три десятка дворов когда-то принадлежал его деду Григорию Ивановичу Хворостову. Тимофей же о своём прадеде знал только то, что он жил в большом доме, крытом оцинкованной жстью. Ездил на «лаковой» коляске. Кованые с узорами ворота всегда открывал сторож. Детей Хворостовых было восемь душ. Хутор раскулачили. Прадед сгинул где-то в Красноярском крае. От бывшей жизни остались только заросшие межи и несколько дичков яблонь и груш. Ещё недавно можно было спросить отца. Теперь спросить некого. Тимофей разволновался, рукавом вытирал пот на лбу.

Он стал искать место, где стоял дом прадеда. Возле дикой яблони различил следы строения большого периметра. Измерил шагами. Десять на пятнадцать. Здесь! На месте прадедовского фундамента будет новый дом Хворостовых! Тимофея как током ударило. Жизнь, кажется, начинала новый отсчет.

Не случайно выбирали предки это место для хутора. Рядом Дон в зелёной оправе тополёвых левяд, и речка Серебрянка, тихо вплетающая в донские струи свою сладкую, очищенную песчаными берегами воду. Крутой правый берег меловыми отрогами и буераками спускается прямо в пойму и шевелится множеством родников. Ключевая вода ломит зубы, на губах остается вкус талого снега и артезианской свежести. Высокое небо в лёгких прозрачных облаках. Влажный тёплый ветер дышит близостью моря. Щиплет в глазах, сердце стучит где-то в горле, как у птицы, собирающейся взлететь. Не может пустовать свято место. Правнук вернёт к жизни хутор своего прадеда.

Тимофей приучил Иванчика к машине. С малых лет с утра до вечера возил малыша с собой. Обращался с ним, как с товарищем и предупреждал других:

— Не сюсюкайте, он понятливый.

Знакомая тётенька как-то ласково погладила его по голове и, желая польстить, похвалила игрушку:

— Какая у тебя красивая красная бибика!

Иванчик строго нахмурил брови и назидательно, с нажимом сказал тётке:

— Это не бибика. Это машина Камаз.

Он во всем старался управляться сам, и только в затруднительных случаях обращался за помощью. Однажды описался, не успев расстегнуть пуговицы и снять комбинезон. Расплакался, разозлился на отца:

— Ты нарочно купил мне эти штаны без ширинки! Сам носишь с ремнем, как все люди!

Отец в тот же день купил малышу брюки с ремнём. Сын с достоинством кивнул головой:

— Давно бы так.

Иванчик имел склонность к рассуждениям и размышлению. Он часто задумывался и долго сидел молча, шевеля губами. Его вопросы удивляли. Например, спрашивал отца:

— Ты был маленьким?

— Был.

— А дедушка был маленьким?

— Был. И бабушка была маленькой. И тётка Варя. И наш Тузик.

Иванчик глубокомысленно вздыхал:

— Все бывают маленькими...

И добавлял с недетскою тоской:

— И мамы у всех бывают...

О матери малыш спрашивал не первый раз. Тимофей не мог найти вразумительного ответа. Он старательно подыскивал слова.

— Потерялась мама... Понимаешь, ехала домой и по дороге потерялась. Сейчас её ищут, все люди ищут, и милиционеры...

Умный Иванчик не верил отцу и молчал, насупившись.

Однажды где-то за городом Тимофей долго разговаривал с заказчиками на новой стройке. Вернувшись, он не увидел мальчика на привычном месте в машине. Обошёл вокруг, окликнул, Стал

искать поблизости за кустарником, за штабелями досок... Заплаканного малыша привёл за руку сторож.

— Гляжу, а этот пешеход уже на трассу вырывает...

Тимофей не стал ничего говорить мальчику. А через несколько дней, когда всё забылось, Иванчик с какой-то упрямой обидой заявил отцу:

— Я всё равно найду свою маму!

Тимофей впервые почувствовал в мальчике норв, который со временем не обещал для отца ничего хорошего.

9

Настю не ждали, она явилась на такси, как снег на голову. С короткой причёской, в белых брюках, в больших квадратных очках. С огромным чемоданом на колёсах. Весёлая, разговорчивая. Приехала не одна, за спиной почтительно стоял лысый худой старичок с толстым портфелем наперевес. Родители вопросительно посмотрели на старичка. Он с достоинством сделал шаг вперед и, держа портфель впереди себя, поклонился:

— Адам Муздаковский. Помощник и биограф господина Баранова.

И с достоинством отступил назад.

Настя аккуратно перецеловала родителей, повторяя с восторгом:

— Миленькие! Как я соскучилась! Как истомилась!

В доме она одарила родителей дорогими и ненужными подарками. Среди прочего были ожерелье и браслеты из янтаря, бутылка французского коньяка, шоколад и конфеты, макет космического корабля из нержавеющей стали, кожаная куртка лётчика для отца, пара наградных часов, косметический набор для матери, одеколон и духи.

Учтивый Адам подписал свою книгу о космонавтах и, как дорогую награду, вручил её Афанасию Афанасьевичу со словами:

— Вы, несомненно, очень удачливый человек. Это тысячный, самый счастливый автограф. Полагается бонус.

Старичок быстро извлёк из пузатого портфеля оранжевую пляжную кепку со своим овальным портретом над козырьком и натянул на большую голову обладателя счастливого автографа. По козырьку лихо отпечатана шутивная надпись «Ух, ты! Ах, ты! Все мы космонавты!»

— Это надо обмыть! – радостно объявил Афанасий Афанасьевич.

Настя приехала с поручением от мужа. За обеденным столом, когда выпили за приезд дочери, она объявила о своей важной миссии.

— Моего Баранова вызвали на Байконур, видимо, надолго. Там началась работа по подготовке пуск аппарата, созданного коллективом лаборатории. Я была свидетелем бессонных ночей и творческих мук конструкторов. Представьте, этим ребятам, этим гениям по двадцать пять – двадцать семь лет. Нет, вы не представляете. Вот Адам, он знает. Этот человек все знает... Его любят все космонавты. Он душка, Адамчик...

Настя смутилась, закашлялась, решительно отмахнулась ладошкой:

— Я хотела сказать о важном поручении моего мужа. Дело в том, что...мой Баранов имеет отношение к Загрязску! Его дед Спиридон Баранов был первым председателем Загрязского ревкома! Антон попросил Адама поискать документы в архивах и в музее. С дедом связано какое-то семейное проклятие. Оно имело роковые последствия для всех Барановых, вплоть до сегодняшнего дня. Спиридон и его двое братьев были расстреляны. Дети деда-революционера, семь душ, перемерли от голода и болезней в тридцатые годы. Выжил только самый младший, отец Антона, Кузьма. Он единственный из рода Барановых, кто умер своей смертью на родине в Тамбовской области... Понимаете теперь весь ужас нынешнего стечения обстоятельств? Антон – последний из рода Барановых. Последний из могикан, так сказать, на сегодняшний день...

Варвара испуганно перекрестилась:

— Господи, Иисусе! Страсти какие!

— А как же бабы? Женщины, то есть?

Вопрос задал Афанасий Афанасьевич. Он очень внимательно слушал про Барановых. Настя осеклась, сбилась с мысли.

— Какие бабы?

— Ну, женщины Барановы... По женской линии. Что о них слышно?

Настя пожалала плечами, не понимая вопроса. Афанасий Афанасьевич пояснил.

— Под проклятие попадали мужики. А бабы? Сколько погибших, сколько выживших? Про женщин Барановых ты ничего не сообщила....

— Да, действительно... Но мы всё выясним, всё раскопаем, да, Адамчик?

Настя с уверенностью посмотрела на захмелевшего Адама:

— Вот он, на него вся надежда! Он и до женщин Барановых докопается!

Писатель боролся со сном и слегка похрапывал. Афанасий Афанасьевич налил ему полную рюмку «Хворостовской» и толкнул в бок. Адам выпил и стал смелее. Он говорил очень выразительно и никогда не терял ход мысли.

— Мне приходилось распутывать разные хитросплетения. Главный же секрет в том, что у меня есть волшебный ключик к секретам. И он хранится, этот ключик, в надёжном сейфе. Вот тут! – он постучал пальцем по своей жёлтой лысине.

Все как-то нервно и невесело рассмеялись. Адам продолжал:

— Мы установим первопричину проклятия. Я перетряхну весь город, но найду и документы, и свидетельства. Закажем молебен и литургию. Прилюдно покаемся и поплачем. Поплачем и покаемся. И попросим митрополита снять проклятие. Адам спас от забвения космонавтику. Адам снимет с рода Барановых проклятие.

Афанасий Афанасьевич заметил, как внимательно слушала писателя Варвара, как обожеествлённо глядела на него дочка. Ночью уже в постели он спросил Варвару как-то таинственно, как в детстве загадывают загадки.

— Хочешь, я тебе всю правду угадаю ?

— Пить меньше надо! – огрызнулась Варвара. – Чего тебе?

— Скоро наша Анастасия поменяет своего космонавта на этого лысого старичка.

Варвара острым локтем ширнула мужа под рёбра и одним движением бедра притиснула его к стенке.

— Молчи, дурак! Сама вижу!

10

Адам погрузился в историю. С утра до вечера он терзал вопросами работников музея и снимал копии с ветхих протоколов ревкома. Ходил по адресам, где жили древние старики и старухи. Записывал свидетельства, воспоминания, слухи. Папка с надписью «Спиридон Баранов. Загряжск. 1919 – 1929 гг. Документы. Свидетельства. Воспоминания современников. Собирал писатель и историк космонавтики Адам Муздаковский», – папка росла, пухла, пополнялась с каждым днем. Документы отличались оригинальностью. Вот некоторые записи.

«Полоумная старуха. 94 года. Плачет. Мосластые руки, толстая палка. Не помнит, где родилась, кто родители, но чудесным образом знает Баранова. Даже подробности вспоминает. Бывают просветы у старухи. «Революционер сидел на колокольне и сбрасывал наземь иконы и колокола. Казаки сказали промежду собой: «Сколько можно!?» Поймали его за штаны и сбросили с верхотуры. Он схватился, и бечь к речке. Казаки с кольями за революционером. Он сиганул в речку, переплыл и пошёл к полюбовнице жить... Кажись, перепутала. Это революционер Баранов с наганом бегал, значит, за казаками. А они прямо всем стадом от него. Сигнули в Дон, да потопли все. И сел этот Баранов править в Загряжске».

Ветеран, милиционер, селькор и краевед. 89 лет. Склонен к преувеличению. Уши и ноздри заросли пухом. Глубокие морщины, глаз не видно.

«Наш начальник милиции Брухастый вашего комиссара Баранова матом лечил. Когда борьба против попов началась, Баранов всегда держал начальника милиции при себе. Попы напустили порчу на комиссара. Делают обход по дворам: «Иконы есть?» – «Как не быть, есть» – «Неси!» Комиссар вынает шашку и давай полосовать. Потом хлоп наземь, и сучит ногами. Изо рта пена вожжой. Вот тут Брухастый оху.....ет его матом! Прямо басом! Громоподобно! Ах, ты Ах, ты Маму твою..... Бабушку твою..... Дедушку!..... Дышло в рот! Комиссар подымается, трогает голову и говорит: «Извините. Пойдёмте, товарищ Брухастый, пиво пить, жажда пекёт.» По слухам, его и мама

родная прокляла, когда он из дома иконы сам выносил и за сараем на колоде шашкой рубил. Дорубился! От падучей похудел, иссох, одни мослы остались. Никакие доктора не помогали. Спасибо моему начальнику Брухастому, матом вылечил. Перестал комиссар с иконами бороться и за попами с наганом бегать. А что касаясь проклятия, по слухам, весь комиссарский род перевёлся. Нельзя иконы шашкой рубить!»

Адам записывал эти свидетельства современников и смачно плевался.

— Сами дикие, язык дикий! Да и комиссар Баранов дикий! А я тут сиди и лепи героический образ! Надо бросать эту халтуру и писать исключительно лирическую поэзию!

В редакции Муздаковского оба эти свидетельства стариков выглядели так.

«Вокруг Загрязска осенью 1919 года рыскали три или четыре хорошо вооруженные банды казаков. До сих пор Баранов и его немногочисленный ревком сумели отбивать внезапные налёты бандитов. Герои держали оборону и отстреливались на высокой колокольне Воскресенского собора. Но однажды осведомители из местных жителей не успели предупредить, бандиты появились ночью. Завязался неравный бой. Бойцы умирали молча, стиснув зубы. В ход пошли гранаты. К утру в живых остался один комиссар. Он выхватил шашку и с криком «Да здравствует мировая революция!» кинулся на врагов. Его схватили живым и потащили на колокольню. Оттуда, с верхотуры, бросали коммунистов на бульжник майдана. Таким зверским способом хотели расправиться и с товарищем Барановым. Его поставили в узкий проём, толкнули в спину прикладом и сказали: «Лети!» Произошло чудо! Это было не падение, это был полёт! Что бывает с человеком, который падает с колокольни на бульжник майдана? От человека остается чашка студня. Но товарищ Баранов, как космонавт, широко раскинул руки и совершил пилотируемый полёт. Он встал невредимый, отряхнулся и могучими прыжками кинулся к реке. Вслед стреляли, кричали. Комиссар переплыл на другой берег. Это был, конечно, великий подвиг. Но это был и великий символ, предтеча, заря космической эры. Комиссар Баранов своим полётом с колокольни предвосхитил полёт космических кораблей, созданных его правнуком Антоном Барановым.

Что касается пристрастия Спиридона Баранова к изъятию у граждан икон и порче их холодным оружием. Это бред сивой и глухой бабушки, которую я выслушивал у неё дома. Вообразите старую старушку девяноста трёх лет, которая, опять же по слухам, рассказывает сказки про комиссара Баранова. Да она наврёт, навалит вагон и маленькую тележку! Дескать, он один гонялся с наганом за целым стадом казаков! Где вы видели таких вялых казаков? Да они бы его в секунду щёлкнули, как вошь! Информация о падучей болезни Спиридона Баранова соответствует действительности. Как и правда об излечении его нецензурным матом. Лично начальником милиции товарищем Брухастым. Об этом свидетельствует объяснительная записка Брухастого в органах ЧК. Но я не могу публиковать этот нецензурный документ с матом. Герои обрастают легендами, это естественно. Всё перемешалось. Через сто лет трудно отличить, где была, а где небыль. В этом состоит загадочная правда истории. А был ли комиссар Баранов? Сомнение есть двигатель истории...»

Вот как писать надо!

Адам чувствовал, как его внезапно окатывает горячая волна близкой удачи, молодого азарта и приключения. Он выскакивал из-за стола, крепко потирал сухие ладошки и пускался в пляс.

Бабушки-дедушки, тра-ля-ля, ля- ля-ля,
Папа и мама, и я....

Настя позвонила Тимофею, и они с Иванчиком заехали за ней.

— Шкворцы прилетели!

Тимофей обнял подругу и познакомил с сыном. Настя восторгалась и хвалила мальчика, хвалила и восторгалась. Иванчик слушал молча.

— Теперь мы будем с тобой дружить!

Мальчик отодвинулся и сказал строго и осторожно:

— Я сейчас тебя не люблю. Может, потом полюблю...

— Какой умный мальчик!

Настя продолжала хвалить и восхищаться. Тимофей посоветовал:

— Не сюсюкай, он взрослый. Сейчас поедem на нашу новую усадьбу.

В хуторе Хворостове заканчивали кирпичную кладку дома. И само место, и стройка произвели впечатление на Настю. Она не раз бывала здесь, но не запомнила, не оценила величественный ландшафт с меловыми кручами, пойменным лесом и устьем речки Серебрянки, опушенной зарослями камыша и краснотала.

— Как удачно выбрано место! Какая красота! Простор!

— Место выбирал мой прадед.

Тимофей в двух словах рассказал ей о хуторе и о судьбе его жителей.

Иванчик сухой веткой ковырял в траве, преследуя ящерицу, и в полуха прислушивался к разговору отца с красивой тёткой.

— Меня упрекают в маниловщине, – Тимофей говорил как-то устало, как бы оправдываясь. – Знаю. Да, я мог бы за эти деньги построить хороший дом в Загряжске и жить там до старости. Но походил по этому пустырю и стал думать. О себе, об отце, об Иванчике... Как в спину меня кто толкнул. Здесь! Прадед и все Хворостовы позвали меня сюда. Теперь уже не передумаю. Мечтаю, конечно, как Манилов. Но считать научился. Богатой усадьбы не осилю, денег не хватит. Но дом, бассейн, флигель и беседки построю, сад и парк посажу. А потом, даст Бог, позову сюда своих родичей, друзей. Места для всех хватит. Со временем вырастет полноценный хутор. Кстати, и тебя со своим космонавтом приглашаю. Рано или поздно всё равно на родину потянет....

— А гараж для машины? – по-хозяйски спросил Иванчик. – Забыл?

— И гараж для машины, – поддержал отец.

— И конюшню для лошадки! – добавила Настя.

— И конюшня будет!

Спустились к Дону, побродили босиком по воде. Сели отдохнуть под старым горбатым караичем в холодке. Иванчик заснул на коленях у отца. Настя собралась с мыслями и благодарно посмотрела на своего друга.

— Когда я увидела это место и твою стройку, у меня именно здесь пришло решение, ради которого я приехала. Теперь только от тебя зависит... Понимаешь, мой Баранов перед отъездом на Байконур дал мне денег и велел построить где-нибудь в Загряжске часовенку в честь иконы «Утоли моя печали». Дело в том, что его прадед был некоторое время председателем Загряжского ревкома. Отличился жестокостью по отношению к церкви и священникам. Лично рубил шашкой иконы. Родная мать прокляла, когда он снял с божницы икону «Утоли моя печали» и разбил о каменный порог. Икону сохранили и починили. Баранов получил её из рук своей матери по наследству, она же и рассказала о проклятии. До недавнего времени муж не вспоминал об этом. Икона висит у него в кабинете. Как фамильная память. Но в последнее время он почему-то стал вспоминать прадеда, проклятие и эту икону. Позвал писателя Адама Муздаковского, который пишет о наших космонавтах, и попросил вместе со мной съездить в Загряжск. Узнать подробности работы прадеда в Загряжске. И похлопотать у иерархов церкви о возможности снятия с него материнского проклятия. И помочь мне в организации сооружения часовенки. Муж был настойчив и просил ехать, не откладывая.

Когда ты показывал свою усадьбу, мне вдруг пришло в голову попросить тебя, то есть разрешить построить часовенку здесь, на месте хутора Хворостова. Как непостижимо переплелись судьбы! Как ты думаешь?

Тимофей, внимательно слушавший Настю, сказал просто, как о деле решённом:

— Выбирай место!

Отец увидел над кроватью Вани семейный портрет на картонке с наклеенными фотографиями. Под одним фото крупными буквами было написано: «Эта мой папа». Под другим фото – «Эта моя мама». Под своим фото Ваня написал: «Эта их сын». Маму Ваня вырезал из рекламного журнала, она оказалась певицей Бабкиной в кокошнике, с плетёной толстой косой на плече.

Отец спросил мальчика, зачем он приклеил чужую тётку? Ваня молча принёс из другой комнаты старую семейную фотографию, где маленький Тимка с оттопыренными ушами сидел со своими родителями.

— Видишь? — сказал мальчик. — Это твой папа, это твоя мама, а это ты маленький. У всех маленьких детей мамы бывают. Когда наша мама вернется, я приклею её фотографию. А пока пусть повисит эта мама. Потому что без мамы неправильная фотография. Ты ведь не против?

— Мы найдём нашу маму! — отец подхватил мальчика на руки и крепко обнял. — Обязательно найдем!

На следующий день Тимофей позвонил своему однокласснику, капитану полиции Бублику, и приехал к нему в городской отдел. Бублик знал историю с подкидышем, он подумал и сказал:

— Мамашу никто не искал, так как ты усыновил мальчика. Да ты и заявления не писал. Попробую помочь. Мы напечатаем в газете заметку с описанием инцидента на автостанции. Но без подробностей. С адресом нашего отдела полиции. Твоей фамилии называть нельзя, сам понимаешь... В общем, буду держать в курсе.

Через некоторое время капитан позвонил:

— Подъезжай, есть новости!

После публикации в газете стали приходиться письма. Бублик посадил Тимофея за отдельный стол и разложил конверты.

— На сегодняшний день шесть писем. Пишут в основном молодые мамы, потерявшие детей при разных обстоятельствах и в разных местах. Мамы оставляли грудных детей на руках у незнакомых людей, чтобы на минутку сбегать в буфет, в кассы или в туалет. Дети исчезали бесследно, поиски не давали результатов. Две мамы заснули, а проснувшись, обнаружили пропажу детей. А один папаша крепко выпил и не помнит, как потерял ребенка. У меня лично нет доверия к этим письмам. Дело в том, что я делал запросы в соседние районы, которые упоминаются в письмах. Заявление в полицию о пропаже ребенка было только в одном случае. Значит, причины надуманные. Скорее всего, молодые мамы, оказавшись в трудном положении, просто подкидывали новорождённых и бесследно исчезали. Таких случаев у нас сколько угодно, да и твой приёмщик из этого ряда... Но, кажется, теперь мы точно знаем, кто его мама. Вот, прочитай это письмо!

Тимофей вынул из конверта листок из ученической тетради с ровным уверенным почерком.

«Я пишу о подруге, оставившей своего новорождённого ребёнка в попутной машине на автостанции г. Забалуева. Теперь мальчику должно быть четыре года, о его судьбе мне ничего неизвестно.

Но всё по порядку.

Тамара моя подруга, мы выросли в детском доме. Родители её погибли в железнодорожной катастрофе, маленькая Тамара выжила, её определили в детский дом. Здесь мы подружились и уже не расставались. Моих родителей лишили родительских прав, и я больше не слышала о них и не знаю, живы ли они сейчас. В школе мы учились хорошо, даже отлично. Обе окончили педагогический университет, обе получили направление в одну школу в г. Забалуев. Она математичка, я русистка. Жили в одной квартире, всё делили поровну, тайн друг от друга не было. Всегда были вместе, пока Тамара не познакомилась с курсантом военного училища. Вот тогда и появились тайны. Она пропала на несколько дней и не отвечала на мои вопросы. Однажды её не было целую неделю. Пришла тихая, задумчивая и счастливая. «Мы были на море. Я выхожу замуж». И заплакала, разрыдалась. Еле успокоила её. Напоила валерьянкой, уложила в кровать. Проспала сутки, не вставая. Я чувствовала, что с подругой что-то не так. Она что-то скрывает. Тамара показала обручальное кольцо. «Вот, подарил. Скоро пойдём в ЗАГС». Каникулы кончились, курсант уехал в училище. Мне его даже не показала. Сказка кончилась. Ни звонка, ни письма, ни телеграммы. Тамара как полоумная каждый день строчила письма. Пока через полгода, кажется, её письма стали возвращаться со штемпелем на конверте «Адресат выбыл». Тамара перестала ходить на работу и целыми днями лежала на кровати. Молчала и почти не ела. Похудела до изнеможения. Я вызвала «скорую», и подругу надолго госпитализировали. Вернулась недели через три. Маленькая, с детским жёлтым личиком, глаза провалились. С заметным животом под халатом. «Вот, скоро сынок будет». И опять слёзы, тихие слёзы. И опять нет жизни в глазах. Тут уж я взяла её в оборот. Что ты, говорю, нюни распустила! Радоваться надо, сынок будет! В общем, кое-как взбодрила её. Выпили сухого вина, пообедали. А она на следующий день сказала мне холодно и спокойно. «Сынок, конечно, счастье... Только моя песенка спета. Анализы показали, что у меня белокровие, лейкоз. От нервного потрясения». Тут уж я разревелась. За что ей, бедной, такая судьба!

Родила здорового мальчика. Кормила грудью, щёки у неё порозовели, повеселела, разговорчивее стала. Я боялась дышать и надеялась, что роды могут переломить болезнь. Но старалась не говорить об этом, боялась взглянуть. Но Тамара думала о своём.

— Будь ему вместо меня... Кроме тебя некого больше просить...

Припозднилась как-то на работе, прихожу домой, а Тамара сидит на кровати, как с креста снятая. Глаза тихие, безумные, раскачивается взад-вперед. «Отдала сыночка в хорошие руки», — больше от неё не услышала ни словечка. Позже я поняла, что она не хотела обременять меня, и приняла такое решение под влиянием горькой минуты.

Похоронила я подругу на городском кладбище. Если объявится добрый человек, который приютил мальчика, то сообщаю свой адрес. Буду рада встретить и рассказать всё, что знаю о моей бедной Тамаре. И, конечно, очень хочу поглядеть на мальчика. Мария Евдокимовна Великокняжеская ».

— Надо ехать!

Голос капитана Бублика прозвучал как-то неестественно бодро. Видно было, что он разволновался. Разволновался и Тимофей.

— Это она, — произнес он уверенно. — Это Ванина мама.

13

Несколько дней до поездки в Забалуев Тимофей чувствовал неясную тревогу. Слышал изнутри отдаленный ровный гул, как в проводах под напряжением. Тревога распирала грудь, но скорее от радости. Внутренний гул будоражил, волновал кровь, как в детстве перед грозой. Или перед половодьем, когда ломался лёд на реке, и льдины напоздали друг на друга, вставали на дыбы, с треском обваливались, крошились, образуя пенистые буруны. Этот гул и тревога поднимались к самому горлу, не давали уснуть. Нечто подобное чувствовал Тимофей, собираясь в дорогу. Он решил ехать один, хотя капитан Бублик настоятельно просил взять его с собой. Чисто выбрился, надел белую рубашку. Пальцами разметал кудри в разные стороны, хмыкнул в зеркало и решительно шагнул через порог. Цветы он купил по дороге. Остановился возле павильонов с сувенирами и долго ходил по рядам. Взял в руки чугунную, каслинского литья статуэтку Дон-Кихота, повертел и попросил завернуть. Купил для чего-то толстый пук длинных павлиньих перьев.

Машина невесомо скользила по асфальту. Чувство тревоги переросло в ощущение полёта. От скорости холодок пробежал по спине. Дорога неслась навстречу, стремительно глотая прошитые белыми столбиками обочины. И мысли неслись, кружились. Что сулит запоздалая встреча? Может, лучше было не знать о судьбе несчастной матери? Зачем посвящать ребёнка в тайны его рождения? Сколько людей на свете живут и умирают, не зная своих отца и матери. Лучше ли? Ой, ли! Сколько безответного и невысказанного у человека, не знающего, кто его мать. Как она жила, чем дышала. Чему радовалась, кого любила. Как умирала. Это должен знать человек. Это должен знать его сын Ваня.

Тимофей свернул с трассы. Он впервые был в Забалуеве, но ему казалось, он знает дорогу, или кто-то подсказывал. Уверенно рулил по городским улицам, проезжал перекрестки и развилки. Уже за городом дорога по спирали пошла в гору и уперлась прямо в кладбищенские ворота. Тимофей даже вздрогнул, он собирался сначала заехать к Марии Евдокимовне, и только потом вместе с ней посетить могилу Тамары.

Он взял розы, и будто кто подтолкнул в спину, решительно двинулся по опоясывающей песчаной дороге на окраину погоста, где видны были свежие могилы. Ещё больше он удивился, когда через несколько минут оказался возле жёлтого холмика с деревянным крестом и овальным портретом на перекладине. Точно кто-то незримый подвел его к могиле. Найти её среди тысяч крестов и памятников без посторонней помощи было просто невозможно.

На эмалированном овале была она, его давняя попутчица, с детским личиком и грустной улыбкой на смущённых пухлых губах. Она словно извинялась оттуда перед Тимофеем за сына. Было и легкое сходство с Настей. Тимофей долго стоял с опущенной головой. Разложил белые розы по всему холмику. Две розы подоткнул под эмаль.

Марию Евдокимовну он нашёл по адресу. Поднялся на второй этаж, позвонил.

— Ой! – воскликнула пышнотелая красавица в бархатном халате, распахнув дверь. – Проходите, я сейчас мигом переоденусь.

Хозяйка скрылась в комнате, Тимофей шагнул в прихожую и стоял, с любопытством оглядывая крошечные апартаменты.

Хозяйка появилась в скромном длинном платье, схваченном в талии широким поясом. Тёмные волосы гладко зачёсаны назад и прищиплены на затылке каким-то перламутром. Большой лоб и большие серые чуть выпуклые глаза светились иронией и умом.

— Значит, вы Тимофей, Тима, – как-то покровительственно, по-учительски заговорила хозяйка. – А я Мария, Маша. Друзья называют Княгиней, хотя я дочь колхозников. Большая и сильная. И сама люблю больших и сильных.

Мария засмеялась так громко и откровенно, что невольно рассмеялся и Тимофей.

— Вот, значит, вы какой, Тимофей! А я представляла старичка. Нет, не старичка. Сельского домовитого холостячка, с животиком, умньенького, степенного. Не то я говорю...

Мария недовольно отмахнулась рукой, сердясь на самоё себя.

— Как сыночка зовут?

— Ваня.

Тимофей включил планшет и положил перед Марией. Она так и впилась в экран. Долго смотрела, пересматривала. Вытирала платком глаза. Вздыхала.

— На Тамару похож... Ваня.

Потом Мария показывала Тимофею фотографии Тамары. Их было много. В детском доме. Школьные снимки с подругами, с Машей. В институте. В Забалуеве. Несколько последних фото с новорожденным.

Мария аккуратно сложила все фотографии в коробку, перевязала ленточкой.

— Это вам с Ваней. И ещё. Я отобрала кое-какие вещи и документы, возьмёте с собой.

Мария всплакнула.

— Мы ведь теперь родня. Я крёстная Вани.

Княгиня накормила Тимофея бутербродами, напоила чаем. И всё время рассказывала о своей подруге. Тимофею было интересно слушать, как рассказывает Мария.

— Есть люди, у которых судьба на лице написана. Везунчики. Плуты. Герои. Проходимцы. Артисты. Вот у Тамары прямо на лбу было напечатано: Безответная. Жертва. Всегда чувствовала себя виноватой перед другими. Извинялась, если её ставили в пример другим. Стеснялась своих пятёрок в школе. Выдумывала себе вину, если наказывали подруг. Если кто-нибудь хвалил её авторучку или часы, она тут же радостно предлагала:

— Возьми, пожалуйста. У меня ещё есть.

Я не помню, чтобы она сказала плохое слово о ком-нибудь. Заступалась за виноватых, всегда находила оправдание и утешение. «Она не воровка, она свой пирожок кошке с котятками отдала». «Он не хулиган. Он за первоклашку заступился». Помню, в институте наша студентка вывела из себя молодого преподавателя, и он обозвал её «куриными мозгами». Все засмеялись, а Тамара вскочила пунцовая, как мак:

— Нельзя так говорить о человеке! Вы должны извиниться!

Преподаватель извинился.

У всех людей есть защитная плёнка на сердце. У Тамары не было никакой защиты: чуть тронь, и сердце кровоточит. Такие долго не живут. Первая любовь и первый обман. Кто не переживал? Не страдал? Для Тамары это оказалось смертельно. Это редкая натура, редкий характер. Ей было трудно среди людей, Бог пожалел её...

Потом они вдвоём съездили на кладбище. У жёлтого холмика они долго говорили о Тамаре. Тимофей рассказал, как он случайно или по чьей-то неведомой воле нашел могилу. Мария не удивилась и сказала, задумавшись:

— Чудес не бывает. Это промысел, судьба. Значит, именно так Господь соединил вас с Тамарой.

Прошёл год.

СМИ сообщили об аварии на космодроме Байконур и гибели группы инженеров и конструкторов. Среди погибших был Антон Баранов. Настя позвонила Тимофею и сообщила о своём решении похоронить мужа в Загряжске, а точнее, в хуторе Хворостове. Просила его согласия. «Примерно через неделю прибудет траурный кортеж с сопровождением военных. Никакой помощи не потребуется, процедуру обеспечит Институт, где работал муж».

Похороны состоялись в начале сентября.

Никогда ещё этот пойменный берег Дона не видел такого количества народу и машин, столько известных людей. Было много речей. Много венков, много цветов. Имя конструктора Баранова стало знакомо всей России. Убитую горем Настю еле живую привели с кладбища в новый дом Тимофея.

На следующий день Настя ожила и жаловалась своему другу:

— Сколько трудов, сколько слёз мне стоили эти похороны! Я наотрез отказывалась хоронить мужа в городе Королёве на Почётной аллее космонавтов. Сказала при всех, что отравлюсь, если не дадут похоронить Баранова в Загряжске. В конце концов, главная шишка, генерал, сказал: «Отдайте этой истеричке гроб и закопайте его там, где она скажет». Я делала это назло Муздаковскому. Я не хотела связываться с этой московской дрянью, с этим мерзавцем! Этот самозванец выступал душеприказчиком Баранова. Был его ближайшим помощником и доверенным лицом. Он распоряжался деньгами и авторскими правами моего мужа... Я буду судиться с ним!

— Но ведь ты сама привозила его в Загряжск?

— Привозила, дура! Я хотела даже бросить Баранова и уйти к этому карлику.

Тимофей от неожиданности даже засмеялся вовсе не к месту.

— Ну ты даешь! Помрачнение нашло?

— Баранов сам виноват! Он изменил мне! Два раза возил любовницу на министерскую дачу в Сочи. У меня есть доказательства, фотографии. Теперь, конечно, я всё простила, он умер моим мужем. Моё место рядом с ним, с его могилой. Я решу все проблемы с наследством, оформлю пенсию за мужа, продам недвижимость в Подмосковье и вернусь домой, в Загряжск. Наши люди лучше, и воздух здесь чище! Я, Тима, родину люблю.

Тимка встал на табуретку и прокричал:

— Шкворцы прилетели!

Настя посмотрела недоверчиво, и даже не улыбнулась.

— Прилетели...

Отец и сын теперь ездили в Забалуев вместе. Ивану Хворостову понравилась тётка Маша, и он бросился к ней в объятия с радостным воплем:

— Княжеская Маша!

На могиле Тамары поставили пирамидку. Тимофей спросил Марию:

— Ты не против, если мы перезахороним Тамару у себя, в Загряжске, на нашем хуторе?

— Я даже не против, если вы с Ваней покажете мне этот хутор.

Сынок с укором посмотрел на отца:

— Что я тебе говорил! Уже давно надо привезти к нам Машу! Иначе она просто обидится.

Тимофей тут же покаялся.

— Едем сегодня же!

Маше понравился и новый дом, и место для будущего хутора, и даже маленькое огороженное кладбище на бугру с одинокой могилой. Они поднялись наверх.

— Жизнь и смерть всегда рядом. – Маша остановилась возле могилы Баранова и читала надписи на венках. – Конечно, Тамаре место здесь. Начало новой жизни и начало погоста.

Вечером Тимофей познакомил Машу с Настей.

— Это моя подруга детства.

Маша внимательно посмотрела на подругу.

— Это крёстная мать Вани.

Настя внимательно посмотрела на крёстную и сказала загадочно.

— Родня.

Первое впечатление бывает обманчиво. Но Маша и Настя изо всех сил выражали вежливость друг другу. Обе вскоре встали из-за стола и разошлись восвояси.

Пролетело лето. В первых числах октября в хуторе Хворостове второй раз хоронили бедную Тамару. На могиле поставили памятник из белого мрамора. В овале необычная фотография на эмали. Застенчивая улыбка исподлобья. И взгляд в упор, прямо в сердце.

На могиле Баранова Настя поставила чёрный мрамор. С космическим кораблем, звёздами и золотой надписью: «*Ты улетел, а я осталась...*».

Пригорок с двумя могилами огорожен низким забором. Отсюда далеко видна уже схваченная золотом пойма. И в её пышном окаймлении крутой изгиб Дона. Солнечный ветер ровно гудит в вышине. Белохвостый орлан невесомо парит над поймой. Простор. Облака. Тишина.

И ещё с одной новости начинал свою жизнь хутор Хворостов.

К Тимофею подошел Ваня и как-то по-взрослому, настойчиво сказал:

— Нам нужно поговорить начистоту, и без всяких твоих шуток.

Отец с сыном вышли на крыльцо и, как серьёзные люди, сели рядом на ступеньки для серьёзного разговора.

— Понимаешь, – важно сказал Ваня, – я уже не маленький, и всё вижу. Если ты сам ещё не понимаешь, или не видишь, то я обязан тебе открыть глаза и сказать правду. Ты только, пожалуйста, не обижайся. Ты можешь не видеть то, что я вижу каждый день...

— Ну, говори, не стесняйся.

— Честно, не обидишься?

— Не обижусь.

— Ты совсем ослеп и не видишь, что Настя ходит к нам, чтобы вы с ней поженились.

Отец по-собачьи помотал головой и возразил:

— Нет, друг мой, я не могу жениться на Насте.

Ваня растерялся и с недоумением смотрел на отца.

— Почему?

— Потому что мне нравится другая.

И видя, как опять растерялся Ваня, отец сказал, успокаивая его:

— Ты её хорошо знаешь...

Ваня молча осторожно поднялся на ноги, из-за спины обхватил отца за шею и стал душить с торжествующим криком:

— Княжеская Маша! Маша!

